

И такъ, братіе, «иже вчера съ нами сый, лежитъ мертвъ: уста упряднишася, языкъ преста, устнѣ препяшася, рѹцѣ связаетъся и возѣ сплетостѣся, зракъ измѣнися и очи угасостѣ. Велико намѣ горе, незамѣнима утрата! Не стало нашего дорогого Батюшки, который, какъ истинно любящій отецъ, заботился о насъ и лелѣялъ насъ.

Смерть ему ослаба и упокоеніе въ его многотрудной жизни! Но вотъ на нашихъ рукахъ, братіе, осталась цѣлая семья его безъ крова, безъ пристанища, безъ единственнаго своего руководителя. Съ ней-то что будетъ? На этой тревожной мысли, часто невольно безпокоившей покойнаго, теперь должны остановиться и мы. Не будемъ неблагодарные къ памяти усопнаго, отблагодаримъ его за всю его многополезную жизнь, отблагодаримъ его хоть заботами о его семьѣ: пріютимъ, и соргѣемъ ее, и жива, спокойна и безмятежна будетъ душа его во Господѣ, безконечна горяча его молитва предъ престоломъ Всевышняго о насъ, порадовѣвшихъ о присныхъ его!

Прости же, дорогой наставникъ и отецъ! являясь къ судилищу Христову, по примѣру апостола ты дерзновенно можешь сказать: «подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ мнѣ въ день оны Праведный Судія».

Вѣчная, вѣчная тебѣ память и миръ праху твоему!

По окончаніи литургіи, предъ отиѣваніемъ быма произнесена рѣчь-товарищемъ покойнаго, о. протоіереемъ Дмитріемъ Ласточкинымъ.

Дорогой другъ и товарищъ, Михайль Герасимовичъ!

Всѣ мы нынѣ, предстоя гробу твоему, собрались воздать тебѣ послѣдній долгъ. Рыданія подступаютъ къ горлу, безыходная тоска сжимаетъ сердце и нѣмѣютъ уста, при видѣ тебя, лежащаго во гробѣ, тебя, такъ недавно еще полнаго силъ и съ удивительной энергіей отирающаго не легкія пастырскія обязанности. Буду кратокъ въ своей рѣчи о твоей пастырской дѣятельности, которая уже обрисована въ словѣ твоего соработника, долголѣтнаго свидѣтеля твоихъ трудовъ.

Вспоминаю тебя, какимъ ты былъ дорогимъ товарищемъ для насъ въ дни нашей юности, дни школьной жизни. Такимъ же добрымъ товарищемъ и неизмѣннымъ другомъ оставался ты и на службѣ, когда мнѣ

выналь жребій пастырской дѣятельности въ сосѣднемъ Барановскомъ приходѣ.

Съ твердостью характера, съ жаромъ и присущею тебѣ энергіею ты велъ врученное твоему руководству словесное стадо по пути Евангельскаго Завѣта Божественнаго нашего Учителя. Ты, полагая душу за своихъ овецъ, не былъ наемникомъ, не давалъ хищнымъ волкамъ рыхлать овцы своя, а берегъ ихъ, какъ зѣнцу ока и ни одна изъ нихъ погибла. Въ твоёмъ приходѣ нѣтъ раскола, а все истинные сыны православной церкви. Въ тревожные дни послѣднихъ годовъ, когда злонамѣренными врагами нашего дорогого Отечества распространялись среди русскаго народа брошюры, подрывающія авторитетъ Церкви и Вѣры Христовой, ты соблюлъ эту вѣру въ своихъ духовныхъ чадахъ: разъясняя имъ смыслъ и значеніе революціоннаго движенія, достигъ ты желанныхъ результатовъ.—и твоя паства съ презрѣніемъ отнеслась къ этой нелегальной литературѣ.

Подвизаясь добрымъ подвигомъ, ты объ одномъ только не заботился, объ обезпеченіи своей семьи. Въ безкорыстномъ служеніи обществу, ты твердо былъ убѣжденъ, что твоя духовная дѣти не оставятъ безъ вниманія, безъ помощи, твоей семьи. Всецѣло ты возлагалъ упованіе свое на Бога. Доказательство этого ты видѣлъ въ своей родной семьѣ: покойный твой отецъ оставилъ на твоихъ рукахъ большую семью свою съ неизлѣчимо-больнымъ твоимъ братомъ; на тебя, юнаго лѣтѣмъ, и неопытнаго въ жизни, выпала многотрудная и тяжелая доля успокоить, пропитать и пристроить осиротѣлое семейство; съ Божіею помощію ты справился съ этою не легкой задачей: всѣхъ поставилъ на ноги.

Вспомниаю теперь, съ какимъ единодушіемъ, съ какою задумчивостью привѣтствовала тебя любезная сердцу твоему паства. Съ какою сыновнею любовью она украсила тебя драгоценнымъ крестомъ, съ какою готовностью отозвалась она на предложеніе приготовить пріютъ и кровъ твоей семьѣ.

Сии спокойно, дорогой товарищъ!

Въ день оный, когда явился ты къ престолу Божію, ты, какъ добрый пастырь, смѣло можешь сказать словами Апостола: «подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ».

Возлюбленные братіе! Никто изъ насъ людей, аще и единъ день

его житія на землѣ, не безъ грѣховъ: и покойный вашъ пастырь былъ съ присущими всякой челоувѣческой натурѣ слабостями; а потому и онъ, нашъ дорогой покойникъ, нуждается въ молитвахъ нашихъ: не забывайте же молитвеннаго вашего общенія съ покойнымъ, поминайте наставника вашего; молитесь, да упокоитъ Господь душу его въ селеніяхъ святыхъ Своихъ и съ праведными да причтетъ. Поминайте же, братіе, наставника и пастыря вашего, и онъ помянетъ васъ у Престола Всевышняго.

При трогательно-умилительномъ пѣніи сонма священодѣйствующихъ совершался торжественный чинъ погребенія, за которымъ произнесли теплыя рѣчи священникъ сосѣдняго села Барановки Гавриловъ и одинъ изъ прихожанъ (Ф. П. Тарховъ). По окончаніи отпѣванія гробъ почившаго подъ печальный перезвонъ колоколовъ, подъ сѣбною хоругвей и неонъ, при пѣніи хоромъ ирмосовъ великаго канона «Помощникъ и Покровитель», на рукахъ священнослужителей былъ вынесенъ изъ храма, процессія, по желанію прихожанъ, двинулась сначала къ дому покойнаго, затѣмъ къ школамъ церковно-приходской и сельской, къ Волостному Правленію. Площадь и улицы были запружены многотысячными толпами народа; всѣ плакали навзрыдъ. Торжественныя, умилительныя минуты! Группами поодаль стояли инородцы: татары и калмыки, собравшіеся изъ окрестностей проводить такъ знакомаго имъ, уважаемаго ими „Батъку“: горько плакали и они, плакали и каждый по своему молился о немъ Богу. Для многихъ постороннихъ удивительными были эти молитвы инородцевъ о покойномъ и ихъ слезы. Глубоко-трогательно было видѣть, какъ напр. плакалъ надъ прахомъ молодой татаринъ (служащій работникомъ у сына покойнаго), какъ горячо онъ просилъ сводить его ночью въ церковь и проститься съ о. Михаиломъ и какъ потомъ неоднократно видѣли его плачущимъ у могилы. Наконецъ процессія съ гробомъ — у могилы, въ оградѣ мѣстнаго храма, подъ сѣбною и въ корняхъ деревь, взлелеянныхъ покойнымъ; здѣсь совершается краткая литія и произносится почитателемъ покойнаго священникомъ о. Евгеніемъ Сластушенскимъ послѣднее прощальное слово, въ которомъ онъ отмѣчаетъ, что въ лицѣ почившаго о. Михаила не только приходъ, но и вся епархія несетъ тяжелую утрату; въ утѣшеніе убитой горемъ паствѣ онъ снова напоминаетъ ей о непрестанномъ молитвенномъ общеніи съ почившимъ.